

Сегодня. — 1994. — 24 февр. — с. 10

Уроки октября, декабря, января, февраля...

Зритель созрел. Кургинян ищет актеров

Модест Колеров

ока кухонные шаркуны тщетно склеивали из своих углов тел антифашистский фронт, а интеллигентское мозговое бескорольеве приготавливалось к приему очередного идеологического жениха, интеллектуальный пейзаж русской жизни резко поружел. Переменился настолько, что даже юродивые из художественной тусовки, до недавних пор презиравшие политическую конъюнктуру, сдались и потянулись за массой. Фашизм вошел в моду. И, пребывающий в моде, стал нечувствителен к моральным уличениям, исторической памяти и политической гигиене. Нынешний русский фашизм — явление сугубо эстетическое, прямо отсылающее к психосексуальным глубинам национального характера, проникающее во все поры социальности. Он перестал быть святотатством, вернее — превратился в нонконформизм, позу и жест, претендующие открывать художественные перспективы. Эта провокация вобрала в себя все, что по архаической привычке относилось к ведомству интеллигентского дьяволизма и декадентства. Что так ласково стелилось в стальном отупении просвещенного постмодернизма. Словно по тихой команде, из заветной коробочки вынули пьесу, в одну ночь выучили полоумную роль — и полюбили ее всей резинковой душой Станиславского. Эстетическая терпимость легализовала фашизм. Всем захотелось увидеть того волка, о котором так долго кричал безответственный пастушок.

Об этом внутреннем кровоизлиянии компетентно свидетельствует старый боец с фашизмами разного рода, теоретик «новой оппозиции» С. Е. Кургинян. «В актерской среде, знакомой мне, как театральному режиссеру, не понаслышке, бытует такая поговорка: против кого мы будем теперь дружить? Нельзя дружить против кого-то». Вот почему в новых своих сочинениях, опубликованных в журнале «Россия XXI» (№№9/10 и 11/12), Кургинян адресует только к единомышленникам. Это верно в размышлении о непробуждении зверя. Но в размышлении о бисере глубоко ошибочно, ибо если чем до сей поры единомышленники и отличались, так лишь отчаянной недобросовестностью и глупостью. Да, конечно, авторский коллектив «России XXI» периодически обогащается трудами таких беспримерных энциклопедистов, как В. Сироткин и К. Мяло, но кто ж не помнит, сколько взаимосключающих обзятий переменили они, сколько бисера проглотили. Поэтому с некоторой даже аффектацией солирует Кургинян, и некому развивать его тезисы.

Тем содержательней его ценные признания и методологические указания. В изложенной 3 ноября 1993 года «Политической ситуации в России после октябрьских событий» режиссер нанизывает обвинения в адрес сторонников оппозиции: «Парламенту и в особенности руководству Парламентом казалось, что они общаются с некими реальными существами. Но они общались с химерами... Они

проявили преступную идеологическую всеядность, допустив инфильтрацию внутрь оппозиционной среды провокационного фашистского вируса и развалив тем самым любой сколько-нибудь продуктивный процесс идеологического синтеза». Заразной, по его мнению, оказалась и антинациональная евразийская химера, проповедуемая газетой «Завтра». Такая оппозиционная смута должна, вроде бы, вызывать одобрение у сторонника буржуазной диктатуры, каковым, несомненно, является обозреватель «Сегодня». Но «нельзя дружить против фашизма». Как нельзя избавиться от ощущения, что химерическая смута терзает родные буржуазные ряды.

Впрочем, иногда и у «дружбы против» появляются некоторые

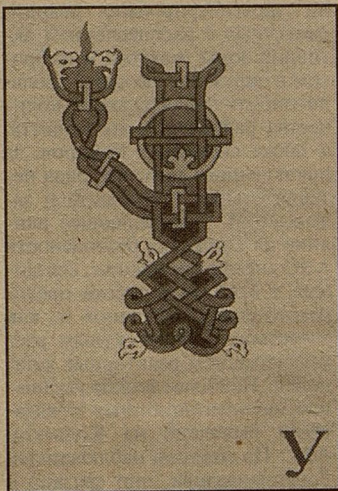
в 92-м, когда не удалось извлечь результат из невероятно уязвимой политики власти, и в 93-м при поражении (Хасбулатовцев. — М. К.) на референдуме и, наконец, при поражении в ходе октябрьских событий. Нельзя и далее бежать от реальности, сколь бы больной она ни была». В мужественной самокритике и «Беловежский сговор» оказывается не сговором, а «страшной ценой», уплаченной за сохранение территориальной стабильности России. И Ельцин — вовсе не спившимся, трясущимся, ничего не соображающим ничтожеством, действовавшим в параноидальных сценариях ФНС. И истерия Анпилова-Макашова — «презрением к реальному политическому труду». И т. д.

Нет самокритической кургиняновской характеристики, что не прилипла бы, как родная, к деятелям противоположного толка. К тем, кто полагает за необходимое в двухтысячный раз поразмышлять о превратностях отечественного либерализма вместо того, чтобы в «Литературной», например, газете телеграфным стилем продиктовать: Гайдар, если хочешь выжить, прогони оскоцких и нуйкиных, ибо за ними — химеры, за ними — синдром жертвы, позорной, порочной, тупой, самими своим существованием притягивающей и воспитующей фашизм. Ибо немая русская сцена только и ждет сего показательного действия. Спор лишь о том, кто поведет песнопения хора. «Буржуазная диктатура» или кургиняновский «антифашизм».

Благо, сказано им достаточно. «Капитализм удовлетворяет почти всем человеческим потребностям, кроме одной, собственно человеческой, — потребности в бессмертии... Капитализм не может решить главный вопрос человечества, и уж тем более он не может решить главного вопроса России — вопроса о подлинности, органичности исторического и сверхисторического бытия. Этот вопрос решится именно в рамках социалистической и коммунистической идеи». Что это, пардон, за сивуха, что за болтовня, что это за евразийство такое? Что это за философическая самодеятельность, ради коей Россия вновь «должна будет решиться на прорыв» во главе с выращиваемыми Кургиняном «культурно-идеологическо-духовными» вождями из Экспериментального творческого центра? Как бы ни величал он свой новый коммунизм «постиндустриальным и неатеистическим», внутри его — сугубо атеистическое и колхозно-индустриальное «ощущение больной реальности», ожидание царствия Божия на земле. Глубинное, неисправимое повреждение религиозной совести. Предмет психоанализа. Страх смерти.

Здесь — пропасть между «буржуазной диктатурой», «удовлетворяющей человеческие потребности», и безбожным нарциссизмом Кургиняна и его меритократией, утешающей подвластные стада вопросами о подлинности бытия и прочими выкидышами философского самообразования. Ах, все-таки «нельзя дружить против кого-то». Какие бы глубокие наблюдения ни производила кургиняновская самокритика.

Как бы ни тешила эстетический слух его борьба с многоликим фашизмом.

БУКВА "У"

основания. Особенно когда Кургинян живописует либерально-горбачевский «центр», чья информационная мощь и западная обласканность теперь обращаются против ельцинистов. Чей политический язык с готовностью восприняли коммунисты-правозащитники, вступившие в прелюбодейский брак с независимыми газетами. Именно им, одухотворенным, посвящены лучшие места другого кургиняновского сочинения — послевыборных «Уроков октября». «У нас формируется оппозиция колониального типа... Впечатление такое, что идет борьба не за право идти своим курсом, а за право быть надсмотрщиком по отношению к своему населению». Однако. «Я хочу быть правильно понятым, — как-то слишком уж беспокоится Кургинян. — Бойня в Белом доме — преступление, так же как и указ 1400, и виновные должны понести наказание. Но судьи-то кто? Побежавшие на выборы депутаты будущей Думы?.. Либералы-правозащитники? Красная Шапочка фонда Горбачева, напуганная Серым Волком зловещего ельцинизма?» Видать, не впрок разговор с единомышленниками, коли приходится так нервничать. Мне, например, вовсе неинтересно, будет ли правильно понято мое одобрение бойни и указа 1400. Ибо это — дело морального выбора, не задающего праздными вопросами судопроизводства.

И все-таки: ценные признания. Номенклатура инертна, политическая жизнь статична. Активисты скатываются на обочину. Судьба раз за разом ударяет ликом об стол. «Это уже было: и в 90-м году при поражении (Коммунистов. — М. К.) на выборах, и в 91-м при подготовке обреченного ГКЧП, и